

О спектакле: В.Шукшин. Энергичные люди. Повесть для
театра в двух частях

О спектакле Горьковского академического театра драмы. В Нижнем Новгороде, судя по сохранившейся в личном архиве афишке, Некрасов и Журавлева были в апреле 1980.

Воспроизводится по белой машинописи, под текстом напечатаны фамилии Журавлевой и Некрасова и подпись Журавлевой.

Режиссер А.А. Тумилович,

художник Л.А. Арапов

Спектакль 16 марта (утро)

Когда ставится классический текст, пьеса с выверенной репутацией, устоявшимися традициями исполнения и восприятия, тогда легче, очевидно, все может работать как бы само по себе, легче двигаться от традиции, общего, может быть, неосознанного, интуитивного опыта освоения этих пьес, накопленного десятилетиями или столетиями. Пьеса Шукшина все-таки едва ли классика в полном смысле этого слова. Не говоря о том, что пьеса злободневна, современна, она – в литературном отношении – не лишена сложностей и даже противоречий, вникать в которые лучше всего исходя из общего контекста творчества Шукшина. Один из персонажей пьесы назван «простым человеком». Тема «простых» людей, отношений между людьми «простыми» и «непростыми» – едва ли не главная тема, главный «нерв» шукшинского творчества. И решалась эта тема в разное время самим Шукшиным по-разному, когда более, когда менее удачно, а иногда и так, что одно решение в общем-то напрочь отменяло, исключало другое.

И не сориентировавшись предварительно, не определив внутренне, с каким из этих решений согласен, с какими – не согласен, трудно, конечно, подходить к тексту «Энергичных людей».

Вопрос имеет свою историю. Есть у Шукшина киноновелла в фильме «Ваш сын и брат», где герой-сибиряк героически добывает в московской суеде лекарство для больной матери и где заданность, внутренняя недобросовестность авторского противопоставления героя-чалдона «из глубинки» массе «испорченных» городских людей очень забавно, на наш взгляд, разоблачает сам метод – модный тогда метод «скрытой камеры». В обычной, документально заснятой озабоченной московской толпе движется фигура красивого артиста, действительно из этой толпы выделенного, отличающегося чем-то от окружающих людей. Чем? По замыслу автора, видимо, простотой. На деле просто-напросто тем, что он – единственный из толпы знает, что ведется съемка. И очень видно, что именно остальные-то люди все как раз в общей простой и естественной, привычной ситуации, а артист, желающий играть какую-то особую простоту, – именно в отдельной, в непростой, искусственной по сравнению со всеми ситуации игры и съемки. В общем, в начале 60-х годов Шукшин, к сожалению, все-таки отдал известную дань некоторой демагогии, идеологизированию вокруг противопоставления города – деревне, простых людей – всем остальным и т. д. Зато в последних вещах Шукшин, наоборот, с крайней, иногда даже словно бы болезненной резкостью подчас обрушивается именно на явления, связанные с такой демагогией, – вспомним хотя бы документальную зарисовку, где действует больничная вахтерша, а более злого рассказа, чем про деревенского демагога, мнимо припирающего к стенке заезжего кандидата наук, у Шукшина, кажется, вообще нет.

А есть еще и «Калина красная», о которой вкратце не скажешь, есть фильм «Живет такой парень», где та же тема и тот же материал, что в «Вашем сыне и брате», разработаны удивительно умно, многозначно и с таким лукавством, которое лучше всего назвать опять-таки народным...

В общем, нам показалось, что в спектакле «Энергичные люди» эта важная шукшинская тема, в тексте несомненно присутствующая, оказалась как-то недовыяснена в общей концепции спектакля. Не случайно слова про демагогию Аристарха и его жены были как-то скомканы, скороговоркой поданы артистом Зилотиным, читающим текст от автора, в остальном подававшим текст вполне внятно, доходчиво. Поскольку этот специфически шукшинский мотив не учтен, образ Простого человека остается, в общем, проходным звеном постановки. Мы видели в этой роли актера Г.Е. Писарева (засл. арт. РСФСР), игра которого сама по себе не вызывает никаких нареканий, за исключением отмеченной непроясненности самого места этого персонажа в общей системе героев пьесы.

Пожалуй, оценивая виденный нами состав, можно отметить, что несколько большей по сравнению с остальными исполнителями сценической уверенностью и изяществом, некоторой щеголеватостью отличается исполнение ролей Аристарха з. а. РСФСР Вихровым и его жены н. а. РСФСР Дроздовой. И это безусловно работает на образ, особенно, очевидно, на поведение Аристарха в начале пьесы. С другой стороны, и общий тон некоторой условной облегченности, легкая доля эстрадности, вносимой в постановку, также несколько выделяет исполнение именно этих ролей.

Некоторые постановочные эффекты, связанные с таким стилевым решением, кажутся выразительными (постамент, ступенька, «сцена на сцене»,

оформленная в виде бара-стенки с бутылками, подсвеченными лампочками). Но когда на сцене появляется Сонька дива дивой, разодетая и подаваемая с максимальной эффектностью (артистка Алашеева), то это все-таки не очень согласуется с пренебрежительным отношением к этой Соньке, неоднократно высказываемым всеми действующими лицами («И ладно бы с кем, а то с Сонькой», «Да у нас с ней вся база...») Такая Сонька, как у Алашеевой, должна бы лучше знать себе цену. Похоже, театр здесь стремился к эффекту вообще, не заботясь именно об этом образе. Общая же степень условности постановки так далеко не заходит.

Вразумительно проводит сцену объяснение с женой Аристарха з. а. РСФСР Хлибко, играющий Брюхатого, хотя могли бы, вероятно, быть в этой роли еще какие-то краски. Когда далее в пьесе Брюхатый говорит, что «в колонии этими вот руками двоих задушил», это должно звучать либо смешно, либо страшно, либо и страшно, и смешно. Про исполнение Хлибко этого, в общем, не скажешь, и какие-то черты образа все же остаются не раскрытыми: респектабельность есть, приклатненности же нету. А ведь Брюхатый не только отсидел четыре года в колонии, не только негодяй негодяем, но ведь еще и в том дело, что в сцене мнимого убийства жены Аристарха Брюхатый должен всячески наигрывать такую приклатненность, пугая Веру Сергеевну.

Вообще, если говорить об эффектах, эти персонажи Шукшина двойственны, они — люди-оборотни, в этом их главный (и, пожалуй, неперемный) эффект. И именно этот основной материал образов, эти резервы, как нам показалось, театр использовал все-таки не полностью. Видимо, в чем-то недовыявлены и отношения героев между собой, во всяком случае — чисто сценически: порознь, в «дуэтах» с Верой Сергеевной все они

играют значительно лучше, чем в общих сценах, особенно когда происходит шум, идет ссора. Тут все исполнители склонны были впадать в монотонную форсировку, и тот же Брюхатый-Хлибко, актер, судя по всему, с опытом, кричит, смазывая интонацию и смысл произносимого: «Слушай, иди ты со своим вагон-рестораном».

Похоже, что вся подобная непрорисованность в конечном счете связана с общей позицией театра по отношению к пьесе Шукшина – может быть, в чем-то недовыяснено отношение театра к пьесе и ее персонажам.

На наш взгляд, обращаясь к драматургии Шукшина или Вампилова, неплохо бы учитывать, что это люди, очень живо, интересно мыслящие, но погибшие в движении, попросту не успевшие еще написать какие-то абсолютно законченные и совершенные свои вещи. И то, что осталось от них, вовсе не всегда написано безукоризненно – не в этом их сила. И подход к ним тоже должен быть не «канонический», а живой.

В частности, лучшим примером из виденного нами обращения к Вампилову показалась нам постановка «Провинциальных анекдотов» в «Современнике», точнее – исполнение Табаковым роли шофера из «20 минут с ангелом». Активное, заинтересованное режиссерское прочтение привело, может быть, к некоторой переакцентировке – несколько, однако, не противоречащей общему духу вампиловской драматургии – в результате которой театру и актеру удалось создать замечательно яркий, укрупненный, по-настоящему сатирический образ с просто редкой на нашей сцене силой обобщения, тем более в пьесах на современную тему. На наш взгляд, горьковской постановке не хватает именно этой активности отношения к материалу, некоторой «дерзости», что ли.

Высказанные замечания нисколько не означают нашего общего отрицательного отношения к спектаклю. Мы мало знакомы с периферийным театром, но по нашему впечатлению, постановку в целом хоть и трудно назвать особенно интересной, но и какого-нибудь определенно плохого впечатления по сравнению со средним московским уровнем постановка отнюдь не производит. Зал принимает спектакль хорошо.